

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Аннотация: Рассматривается отражение истории Древней Руси в исторических романах современных российских писателей. Для сравнения отобраны несколько новейших образцов жанра. Выделяются различные подходы авторов к восприятию и отражению древнерусской действительности, исходя из разницы стоящих перед ними задач. Анализируемые варианты представляют три наиболее типичных схемы: исторический роман как реконструкция истории, как эпический образ легендарного прошлого, как увлекательное повествование в произвольно выбираемых декорациях.

Ключевые слова: Древняя Русь, историческая беллетристика, исторический роман, популяризация истории, историческая память

Об авторе: Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», главный редактор альманаха «Историческое обозрение». 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 3. ip01972@mail.ru

Среди многих периодов в истории Руси и России киевская эпоха, пора рождения русского государства, обладает особой привлекательностью для художественной литературы. С одной стороны, это важнейший переломный этап в историческом взрослении народа – время становления цивилизации и государственности, время перехода от первобытного «варварства» к христианской культуре. Такое рождение нового, порождающее десятки вполне исторических, достоверных человеческих драм, уже само по себе способно приковать внимание современного человека. С другой стороны, киевская эпоха есть для нас еще и «время эпическое». Известные, опробованные уже массовой культурой наших дней, образы русских былин рождались и действовали в своем праве именно на ее фоне. В итоге художественная трактовка истории Древней Руси обречена иметь дело

не только с конкретной историей, но и с отражением ее в зеркале национального мифа. Естественно, что при этом история обретает новые смыслы, наполняется новым, вневременным содержанием, что при качественном художественном воплощении способствует «вживанию» читателя.

В западном литературоведении нередко употребляется термин *matter*, восходящий к цитате из поэмы французского жонглера начала XIII в. Ж. Боделя, использовавшегося его для обозначения эпических циклов – британского, каролингского и римского. Современное употребление термина англоязычными филологами трудно однозначно перевести на русский – между тем, термин довольно удачен. *Matter* Британии – это легендарный образ истории острова от Артура и его мифических предшественников до Робина Гуда. *Matter* Франции – героический век Карла Великого и его паладинов. *Matter* Испании – эпоха Реконкисты. Иными словами, это «сущность», «корни», «главная тема» национальной литературы, основа основ восприятия ее прошлого потомками. «Национальный миф» – но лишь самый старый, корневой его пласт. «Эпический век» – но осознанный образованным классом, вошедший в писаную историю, причем, что важно, у самых начал литературы.

Что же будет такими «корнями» для России? То, что было воспето еще в средние века, – бурная эпоха утверждения христианства и борьбы с Диким Полем, от времен Владимира Святого до Куликовской битвы. В литературе «золотого века» мы найдем при желании немало ее решений – как в «историческом», так и в «мифологическом», фантастическом ключе. Но после революции настали другие времена. К теме продолжали обращаться, но чаще всего с ревизионистским уклоном. Идея утверждения и защиты «Святой Руси» именно как «Святой» выражалась в художественном творчестве весьма редко и подспудно. Отсюда же выросла и романтизация язычества, место которого даже в народной устной памяти о былинном веке более чем скромно и никак не положительно. Естественно, что любые «мифологические» трактовки были оттеснены в сферу детской ли-

тературы, а религиозно-мистические — оказались под запретом или полузапретом. «Взрослый» исторический роман эпохи социалистического реализма мог быть только реалистическим.

За последние десятилетия роман о Древней Руси домонгольской эпохи, являвшейся одной из основных тем исторической беллетристики и в советское, и в досоветское время, пережил интересные трансформации. На смену условному, относительному и во многом принудительному однообразию предшествующего периода пришла крайняя пестрота форм и методов отражения реальности прошлого на страницах художественных произведений. Одной из наиболее заметных и общих новых черт (впрочем, скорее заимствованных) является активное включение в ткань произведений мифологических и/или мистикорелигиозных мотивов. Благодаря этому происходит сближение исторического романа о древнерусских временах с расцветшим в этот же период жанровым направлением «славяно-киевской фэнтези».

Ниже попытаюсь выделить три основных типа отражения реальности Древней Руси в современном историческом романе. Каждому типу можно подобрать немало примеров, но ограничусь теми, которые отношу к наиболее качественным. Сразу стоит признать, что автор знаком с создателями называемых в дальнейшем романов и в той или иной степени консультировал их, что отражено и в текстах их произведений. Это, конечно, делает выборку конкретных примеров субъективной, но, как думается, добавляет объективности самой классификации. Также сразу отмечу, что среди перечисляемых типов нет «хороших» или «плохих», и отсутствует какая-либо иерархия. Каждый из них просто выполняет свою социокультурную функцию.

Первый тип можно обозначить как «роман-реконструкцию». Здесь подспудной или откровенной целью автора является подача исторической реальности «как она была». Авторы такого рода текстов нарабатывают или заранее имеют профессиональные навыки работы с историческими источниками, обычно квалифицированно подходят к научной литературе.

Фактически их книги, – а таких авторов немного, – представляют собой подчас исторический труд в форме романа. Даже художественные допущения в них могут представлять вполне обсуждаемые гипотезы. Такие романы смело можно использовать, скажем, в преподавательской практике. Это далеко не всегда сколько-нибудь умаляет их художественные достоинства – авторы таких романов часто владеют литературным слогом не хуже, чем историческим материалом. В них может присутствовать мифологический или мистический элемент – и не мешает исторической достоверности, как часть рисуемого мира, показываемого через призму восприятия человека древности.

Наилучшим, наверное, примером романов такого рода, является творчество петербургской писательницы Елизаветы Дворецкой. С одной стороны, ее романы всегда обращены к квалифицированному и интересующемуся темой, автору хорошо знакомому читательскому кругу. С другой – это попадает и в круг более широких читательских симпатий. У автора везде много «этнографии», везде много, условно говоря, популяризации исторического знания, причем очень грамотной. Много быта, много стилизации, в том числе и эмоционального фона под средневековье, в большей или меньшей степени. Обильно используются для этого темы и образы скандинавских средневековых саг, – доносимые до читателя средствами современной художественной литературы. Реальность, включающая и древнюю Слaviю, и древний Север, выстраивается автором через несколько по видимости совершенно автономных и даже расходящихся циклов на протяжении уже не одного десятка лет. Дворецкая умеет создавать сюжет и характеры, вести романтическую линию, но все же постоянно поддерживает ощущение, что воссоздает саму реальность, широкое полотно того, «как было» в минувшую эпоху. И реальность эта воссоздается с высокой степенью достоверности, до отдельных деталей. Даже прикровенный мистический или откровенно фэнтезийный элементы здесь не становятся исключением – это часть того, как видели мир герои романов. Древней Руси IX–XII вв. посвящен целый

ряд романов Дворецкой, в том числе увидевший свет в 2015–2016 гг. цикл о княгине Ольге [2; 3; 4].

Все романы Дворецкой о древнерусской истории отличаются детальной проработкой образа древнейшей, только становящейся государством Руси, ее людей и нравов. Так и романы об Ольге исторически и этнографически грамотны. Без излишней романтизации показано славянское и скандинавское язычество. Автор вводит читателя в мир весьма древнего по укладу общества, чрезвычайно регламентированный. Потому на страницах, к примеру, первого романа («Ольга, лесная княгиня») во многих случаях человеческим эмоциям места нет – по крайней мере, их открытому выражению. Многое, если и не всё, в поступках героев, определяется традицией. Это тот вполне реальный мир, который существует в художественном пространстве и исландских саг, и в немалой степени современного скандинавского этнографического романа.

Итак, мир этот мало эмоционален, и две главных страсти в нем, – если посмотреть именно на мир исландской саги, – власть вкупе с богатством и межродовые распри. Как раз сложные межродовые отношения – двигатель сюжета и в романе Дворецкой. И в то же время и здесь пробиваются эмоциональные связи, человеческая близость. Такова в первом романе цикла преданность героини-рассказчицы своей ближайшей родственнице, заглавной героине, княгине Ольге (Эльге). В тексте достаточно «интриги» – борьба за власть над Русью, путь к киевскому столу Игоря-Ингвара показаны умело и захватывающе (при том, что являются в целом плодом авторской фантазии). Может показаться, что подобные политические хитросплетения маловероятны для столь древнего общества – но в тех же сагах встречаются сюжеты и посложнее. Нашлось место на страницах и не менее интригующим «тайнам» славянской древности, жизни населенного мира в окружении загадочного, угрожающего и манящего Леса. «Просветительские» отступления немногочисленны и в текст внедрены умело. Большая часть исторической информации дается, как и положено по канонам исторического

романа, в разговорах между героями, в их прямой речи. В целом произведение вполне ложится в канву романов Дворецкой, вписывается в то во многом уже единое видение древнеславянской и древнерусской эпохи, которое отражено в них.

Роман «Ольга, княгиня зимних волков» является логичным продолжением предыдущего, содержит с ним немало переключки и прямого диалога даже в деталях. История главной героини Ведомы отчетливо параллельна истории Эльги из первого романа, – но при этом она делает совершенно иной жизненный выбор. И Эльга, и Ведома выламываются из традиции, из власти своих семей. Но если Эльга бросает вызов славянскому «лесному» миру ради строящейся Руси, то Ведома отвергает свою скандинавскую кровь ради славянского «Леса». В то же время, как и Эльга, она идет за своей судьбой – и за своим сердцем, делает выбор вопреки принуждению.

С другой стороны, этот роман – столь же явная (и более явная) часть упомянутой выше литературной реальности, выстраиваемой автором в различных циклах произведений. Такому ощущению служат и аллюзии в именах славянских персонажей и описываемых реалиях второго плана на прежние циклы. Это, безусловно, добавляет роману ощущение глубины времени, провоцирует желание видеть в нем часть не только реконструируемой реальной, но и большой «литературной» истории. Мистический элемент здесь несколько менее прикровен, чем в предыдущем романе, и менее рационализирован. Это тоже перекидывает мост к прежним, более мифологическим по содержанию (и в то же время не менее «этнографическим») романам автора.

Второй тип можно определить как «роман-миф» или даже скорее «роман-Миф». Работа в этом направлении требует от автора не меньше, а то и большей профессиональной подготовленности, а также интереса к философии литературы и проблемам исторического сознания. Здесь также важны достоверность и внимание к деталям эпохи, но используются они несколько с иной целью. В «романе-мифе» воссоздается реальность не

столько историческая, сколько литературно-эпическая, целенаправленно формируется образ древней эпохи, запечатленный в исторической памяти (в том числе через посредство собственно народного эпоса). Древняя Русь, «эпический век» русских былин, представляет здесь материал благодатнейший.

Как пример такого подхода можно назвать творчество московской писательницы Натальи Иртениной. Она весьма внимательно (что заметнее от романа к роману даже в языке) относится к воссозданию исторической действительности описываемых эпох. Сюжеты ее исторических романов способны увлечь любого ценителя «авантюры». И в то же время ни то, ни другое не является главным. Романы Иртениной посвящены не просто узловым для Руси эпохам и событиям – а событиям знаковым, страницам русской исторической памяти, не измеряемой учебниками и учеными трудами. Это, в том числе, и былинный век киевских князей, о котором рассказывается в дилогии из романов «Нестор-летописец» [5] и «Шапка Мономаха» [6]. Вместе с другими романами из русской истории средневековья и раннего нового времени они складываются в своеобразный национальный эпос. Эпос с узнаваемыми, накрепко вошедшими в память народа героями, щедро переплетенный православной мистикой и героикой борьбы за Русскую землю. За событиями конкретной истории проступает высший смысл – для автора важно то, что Русь несет миру.

В романе «Нестор Летописец» Иртениной удалось найти неизбитый сюжет. Жизнеописания деятелей Церкви вообще редко привлекали исторических романистов – и дело тут не только в идеологическом наследии советского строя. Чаще всего жизнь духовных просветителей представляется малоперспективной в смысле «интриги» – обязательного двигателя современного литературного действия. Однако Иртенина сумела соединить воссоздание жизненного пути будущего отца русского летописания с увлекательным сюжетом. При этом она не поступает и важным для себя духовным содержанием.

Тема романа – взросление будущего летописца, путь его в становящийся уже духовной столицей Руси Киево-Печерский монастырь. Имя «Нестор», прославившее его в веках, герой обретает лишь на последней странице романа. Естественно, вся эта центральная линия сюжета – плод интуиции и догадок автора, ибо о жизни Нестора до прихода в монастырь науке практически ничего не известно. История духовного роста в полуязыческой еще стране, искушений и борьбы с ними показана на широком фоне исторических событий. Изображение последних основано на добротной проработке имеющихся в нашем распоряжении источников. Автору удалось «вжиться» в мир Древней Руси. Перед глазами читателей проходят десятки персонажей, основных и эпизодических – от князей и епископов до людей из народа. Различные сюжетные линии сплетаются вокруг основной. А между тем читателю дается возможность наглядно увидеть картины древнерусской жизни. Картины эти весьма разнообразны: неспешный монастырский быт и пиры в княжеских чертогах, многолюдный торг и дикие леса. Ненавязчиво и умело читатель вводится в атмосферу давно ушедшей эпохи, познавая ее нравы и законы.

Итак, Иртенина вовсе не отказывается от достоверности как принципа исторического романа, и для аудитории «романа-реконструкции» ее путь остается вполне приемлемым. Русь на страницах романа – это Русь подлинной истории, а не богатырской сказки. Она бесконечно далека от идеала «святой Руси». Это Русь новокрещеная, в массе своей языческая. По городам стоят церкви, но и посреди княжеского города может появиться волхв. За городскими стенами – стихия народной веры, священные костры, древние обряды и ведовство. А еще дальше, прочь от обжитого пространства – вековые леса древнего мифа. Здесь, в мире романа, продолжают властвовать языческие боги, где грань между явью и мороком губительно стирается, где и не место обычному человеку. Образы «двоеверия» показаны автором эмоционально и без прикрас. А с другой стороны, рисуются и грехи, рожденные уже в лоне цивилизации, – алчное властолю-

бие князей, и даже тайны мистических культов античности. Вводя вечную тему противостояния добра и зла (более чем просто человеческого), Иртенина выходит за границы реалистического исторического романа. Ее произведение обретает черты эпоса – нового эпоса современного автора, помещенного в «героический век». В этом и есть центральный смысл «приключенческой» составляющей, «интриги» романа.

Однако эпос этот – современный и создаваемый на соединении мотивов былинной героики и христианского жития. Духовный путь героев романа непрост – ни одному из героев-мирян (включая и заглавного героя) не удалось не оступиться ни разу. Цель же этого пути зримо воплощена на страницах романа Киево-Печерской обителью.

В следующем романе «Шапка Мономаха» живость и достоверность показанного писательницей древнерусского мира сохраняются. Сведения исторических источников и в этом романе использованы щедро. Достоверность по-прежнему касается не только (а в этом романе иногда уже и не столько) конкретных исторических деталей. Прежде всего, автор старается достоверно показать дух эпохи, переломной для политической и духовной истории Руси. Последнее к «Шапке Мономаха» относится еще в большей степени, чем к предыдущему роману. Здесь центральный ранее образ Нестора уходит на второй план, а на первый выдвинуты фигуры эпических «трех богатырей». Конечно, они принадлежат более именно легенде, а не истории, но удачно (безотносительно строгой достоверности) размещены автором во вполне исторических декорациях. Предпринятый опыт, как представляется, оказался в итоге литературно и исторически выверенным, более чем удачным.

Если попытаться сформулировать главную идею «древнерусской» дилогии Иртениной, то это создание (или воссоздание для нашего времени) Легенды. В ней сплетены исторические события, темы русского героического эпоса, христианская мистика, противопоставляемая языческому наследию. Опыт этот – литературно и исторически выверенный. С одной стороны, это

произведение «христианского реализма», для автора которого сверхъестественное – неотъемлемая, но и не бросающаяся назойливо в глаза часть сущего. С другой стороны, книги наследуют русскому романтизму, обращая читателя к корням его культуры и показывая их в полном соответствии с культурной памятью. Истории «эпического века» возвращается духовный смысл – вернее, о нём снова говорится открыто.

Третий тип, наверное, наиболее распространен в традиции исторической романистики как таковой, хотя качественных примеров, именно в силу этого, несколько меньше. Его можно с определенной долей условности определить как «роман-приключение». Здесь, как правило, историческая реальность минувших эпох используется в первую очередь как удобный «сеттинг» для приключения героев. При этом автор может обращаться к самым разным эпохам, даже не сильно варьируя сюжеты, с основной (и оттого не менее успешной) установкой на занимательность. Глубокого вживания такой подход вовсе не предполагает, зато, если применен с толком, вызывает интерес у гораздо более широкого читательского круга. При этом, разумеется, он отнюдь не исключает тщательной наработки исторического материала, как и использования и популяризации каких-либо литературно-философских идей, соответствующих авторскому мировоззрению. Просто цель изучения эпохи здесь несколько иная – достигнуть не столько достоверности, будь то исторической или литературной, сколько узнаваемости для интересующегося читателя. Когда такая узнаваемость действительно достигнута, опыт может считаться удачным. Если автор стремится приблизить ее к подлинной достоверности, то это весьма свидетельствует в его пользу.

В качестве свежего примера действительно удачного произведения этого типа можно назвать недавно опубликованный в издательстве «Вече» роман Татьяны Беспаловой «Изгои Рюрикова рода» [1]. Автор использовал добротный исторический материал, в том числе первоисточники, для создания увлекательного, хорошо написанного романтического повествования. Ре-

альность Древней Руси и соседей, нарисованная Беспаловой, может вызвать нарекания у строгого специалиста, но эпоха изображена не только узнаваемо для читателя, но и в целом достоверно. Реальность эта служит полем не только для развертывания сюжета, но и для выражения мировоззренческих взглядов автора.

Конечно, серьезное научное изучение Древней Руси по историческим романам невозможно. Вряд ли кто-то из авторов исторической беллетристики ставит перед собой такую цель. Литература создается для того, чтобы ее читали не только (и не столько) специалисты. Однако вызвать к давно минувшей эпохе интерес, помочь вжиться в нее, подсказать те или иные, очень разные, пути к ее пониманию исторический роман способен. Потому знакомство с различными писательскими подходами к изучаемому периоду даже для историка-профессионала подчас не менее важно, чем знакомство с подходами академическими.

Литература

1. *Беспалова Т.О.* Изгои Рюрикова рода. М.: Вече, 2016. 384 с.
2. *Дворецкая Е.А.* Ольга, лесная княгиня. М.: Э, 2015. 512 с.
3. *Дворецкая Е.А.* Ольга, княгиня зимних волков. М.: Э, 2016. 544 с.
4. *Дворецкая Е.А.* Ольга, княгиня русской дружины. М.: Э, 2016. 544 с.
5. *Иртенина Н.В.* Нестор-летописец. М.: Вече, 2010. 480 с.
6. *Иртенина Н.В.* Шапка Мономаха. М.: Вече, 2012. 432 с.